

К 60-летию ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

© 1997 г., ЭО, № 1

М.А. И т и н а, А.И. П е р ш и ц

**С.П. ТОЛСТОВ – ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ,
ВОСТОКОВЕД***

Творческая жизнь С.П. Толстова (1907–1976) была сравнительно короткой, однако принадлежащие его перу многочисленные работы обращают на себя внимание прежде всего огромным диапазоном его научных интересов.

С.П. Толстов называл себя этнографом, востоковедом и археологом. Думается, дело здесь не в том, какое место в круге его научных интересов занимала каждая из этих дисциплин. Главное в том, что все они в его многогранной научной деятельности сочетались, взаимно дополняя друг друга. Для С.П. Толстова это было совершенно естественно, ибо он принадлежал к плеяде ученых, для которых единственно возможным был очень широкий подход, далекий от бытующего у нас сейчас, нередко узкоспециализированного, при постановке и исследовании исторических проблем. Такой подход, базирующийся на большой научной эрудиции, на накапливаемом в процессе непрерывных научных исследований опыте, и наконец, на таланте, позволил проявиться, по крайней мере, трем очень важным качествам С.П. Толстова-ученого.

Во-первых, это то, что принято называть научной интуицией. Располагая подчас достаточно ограниченным количеством фактов, С.П. Толстов строил научные концепции, многие из которых подтвердились последующими исследованиями. Если же они не находили подтверждения, то, по крайней мере, будили научную мысль и способствовали поискам истины. Во-вторых, С.П. Толстов смотрел далеко вперед, его научные изыскания были устремлены в будущее, поставленные и исследуемые им проблемы не исчерпывались задачами сегодняшнего дня, они были нацелены на перспективу. И, наконец, С.П. Толстов был ученым и гражданином, чутко улавливавшим, а иногда и предвидевшим те возможности, которые открывались перед исторической наукой при использовании ее для нужд современности.

С.П. Толстов родился в Петербурге в семье военного. Среднее образование получил в Москве. В 1930 г. он окончил Московский Государственный университет, где учился на физико-математическом и историко-этнологическом факультетах. Именно тогда началась деятельность С.П. Толстова – этнографа, этнолога, последователя анучинской школы, приверженца комплексных методов исследования. В 1934 г. С.П. Толстов окончил аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры по специальности «История и археология Средней Азии». В 1929–1936 гг. он сотрудник Центрального музея народоведения, ученый секретарь, а потом заведующий Московским отделением Института истории материальной культуры АН СССР. Тогда же С.П. Толстов начал педагогическую деятельность, много лет был профессором МГУ, с 1937 по 1952 г. – заведующим кафедрой этнографии и с 1943 по 1945 г. – деканом исторического факультета.

Сразу после начала Великой Отечественной войны С.П. Толстов вступил в ряды народного ополчения, участвовал в боях под Ельней и Можайском, был ранен. После демобилизации он вновь работает в Академии наук СССР и в 1942 г. назначается директором Института этнографии АН СССР. На этом посту С.П. Толстов оставался 25 лет, одно время совмещая данную работу с деятельностью в качестве заместителя

*Тремя звездочками выделен авторский текст А.И. Першица.

Главного ученого секретаря Президиума АН СССР (1949–1954 гг.). В 1944 г. Толстов вступил в ряды КПСС. В течение 20 лет – с 1946 по 1966 г. – Сергей Павлович являлся главным редактором журнала «Советская этнография». В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Научная деятельность С.П. Толстова была высоко оценена в нашей стране и за рубежом. Он был награжден Государственной премией, удостоен звания заслуженного деятеля науки и техники Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР и Каракалпакской АССР. В 1956 г. его избирают почетным членом АН Узбекской ССР. Признанием научных заслуг С.П. Толстова было избрание его членом-корреспондентом АН ГДР, почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического общества, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, Археологического департамента Индии, членом-корреспондентом Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета.

Свою научную деятельность С.П. Толстов начинал как этнограф. Еще будучи студентом, он работал в комплексной антропологической экспедиции МГУ в Ветлужском крае, Верхнем Поволжье, Волго-Окском междуречье. Он вел исследования в составе этнографического отряда, который изучал русских, марийцев, разные этнографические группы мордвы, тверских карел, касимовских татар. В результате им было опубликовано несколько статей по народам центрально-промышленной области, в том числе статья «К истории терюханской народной культуры» (в соавторстве с М.Т. Маркеловым) («Этнография». 1928. № 2).

В последней на основе полевых исследований материальной и духовной культуры этой этнической группы мордвы дается широкая картина этнических процессов, связывающих ее с финно-угорским, волжско-булгарским культурными компонентами и с позднее проявившимся отчетливым влиянием на нее русской культуры. К этому же кругу работ относится статья «К проблеме аккультурации» («Этнография». 1930. № 1–2), где в полемике с крупным этнографом того времени Д.К. Зелениным рассматривалась проблема историко-культурных связей русских с финно-уграми. Обе эти статьи обращают на себя внимание комплексным подходом к исследованию этнографических материалов и отражают творческое кредо С.П. Толстова, которому он следовал на протяжении всей жизни.

* * *

Уже в наиболее ранних своих работах Толстов выступил не только как собственно этнограф, но и как историк первобытного общества. Это объяснялось, наряду с широтой его научных интересов, тем особым положением, которое с самого начала заняла первобытная история в системе нового исторического знания.

Считалось, что исследование первобытной истории – область отнюдь не только абстрактной науки. Безраздельно господствовало мнение, что со времен «Древнего общества» Л.Г. Моргана и его идей, отраженных в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, речь здесь идет о самых коренных проблемах понимания всемирно-исторического процесса. Изначальны ли частная собственность, классовое неравенство и отделенная от народа принудительная власть? Имманентны ли они тем самым человеческому обществу и, следовательно, вечны ли? Прочитанная в 1919 г. В.И. Лениным лекция «О государстве» привлекла внимание широкой общественности к проблемам первобытного коллективизма, сравнительно позднего возникновения классового общества и его неизбежной обреченности. К тому же на Западе еще продолжалась начатая на рубеже веков острая критика взглядов Л.Г. Моргана (и тем самым Энгельса) ввиду необоснованности одних его теоретических положений и устарелости других. Это воспринималось как воинствующий антиисторизм и антимарксизм, подрыв самих устоев научного коммунизма, с этим следовало всячески бороться.

В этих условиях первобытная («первобытнокоммунистическая») тематика воспринималась как злободневная, а изучение первобытной истории – как едва ли не самая важная область истории. Лекции на эти сюжеты читались на фабриках и заводах, в железнодорожных депо и в пошивочных мастерских. На рубеже 1920-1930-х годов, с началом «раскрестьянивания», к этому добавилась еще одна практическая сторона первобытной истории. Необходимо было разобраться в доклассовых, в том числе общинно-родовых, отношениях и пережитках у многих народов Востока нашей страны, чтобы тем самым, как считалось, помочь переустройству их хозяйства и быта.

Таким образом, первобытная история была грубо политизирована. Те, кто не хотел с этим считаться, должны были получить «запрет на профессию» (как профессор А.Н. Максимов) либо исчезнуть в прямом смысле слова (как профессор П.Ф. Преображенский). Те, кто бездумно верил во все несообразности устаревших взглядов, в большинстве своем процветали. Но оставался еще один путь, на котором можно было, балансируя по краю пропасти, заниматься любимым делом. Тот, кто пошел по нему, прокручивал положенное количество раз «молитвенную мельницу», отдавая должное Моргану, Энгельсу и всем, кому надлежало, а затем старался в толще отжившего прорастить ростки нового.

К числу последних принадлежал один из талантливейших и увлеченнейших историков своего времени Сергей Павлович Толстов. И оценивая то, что он сделал в изучении первобытной истории, мы будем, как это и положено в историографии, исходить не только из сегодняшних достижений науки, но и из состояния науки в те годы, когда он работал.

С.П. Толстов замечателен прежде всего тем, что по мере развития науки о древнейшем прошлом человечества он во многом изменил подход к главному и второстепенному в его проблематике. Если поначалу задача виделась в том, чтобы отстоять идущую от Морганов схему во всех ее деталях (включая чуть ли не историческую реконструкцию кровнородственной и пуналуальной семьи), то позднее центр тяжести стал все больше переноситься на развитие концептуального ядра моргановского учения о первобытном обществе – идеи первобытного коллективизма. Вместе с тем все без исключения первобытноисторические работы С.П. Толстова содержат яркие мысли, и многие из них сохраняют свое значение, получив подкрепление благодаря вновь обнаруженным фактам, или продолжают дискутироваться современными исследователями.

С.П. Толстов вошел в историографию первобытной истории большой статьей «Проблемы родового общества». Она была опубликована в 1931 г., незадолго до того, как П.П. Ефименко и П.И. Борисковский высказали получившее широкое признание мнение, что родовой строй возник с переходом от раннего к позднему палеолиту¹. До начала 1930-х годов появление родового строя обычно относили к неолиту, а в позднем палеолите и мезолите реконструировали не родовые, а «родовые», «тотемические» и другие общины. Такая реконструкция была предпринята и С.П. Толстовым, хотя впоследствии он от нее отказался². Большая ценность его статьи в другом: в ней впервые высказана и, насколько это позволял фактический материал того времени, аргументирована мысль, что древнейшее человечество не знало чисто собирательной стадии развития и что с самого начала антропосоциогенеза одним из важных факторов последнего была охота.

Эта идея была направлена против распространенного в физической антропологии тех лет взгляда на растительноядный образ жизни предлюдей и древнейших людей и еще более – против сконструированной культурно-исторической школой В. Шмидта начальной, чисто собирательной стадии хозяйства, открывавшей простор теории первобытной индивидуалистической «робинзонады». Этой «вегетарианской» концепции С.П. Толстов противопоставил концепцию охоты как ведущей формы трудовой деятельности, которая могла стимулировать совместные усилия коллектива. Данные о спорадической охоте уже в стадах некоторых высших приматов и, кроме того, многочисленные находки в 1950-е годы предчеловека-охотника *Homo habilis* – не-

посредственного предка древнейших людей – блестяще подтвердили мысль С.П. Толстова.

В середине 1930-х годов С.П. Толстов снова возвращается к исторической реконструкции начального этапа первобытности, но на этот раз в центре его внимания – проблемы возникновения родового строя. В 1935 г. в статье «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» он разрабатывает высказывавшуюся М.М. Ковалевским и М.П. Жаковым³ мысль о том, что возникновение экзогамии было связано с необходимостью упорядочения производственной деятельности внутри первобытных коллективов. При этом он первым поставил появление экзогамии в связь с установлением половых табу, зарождающихся в результате противоречий между беспорядочными половыми отношениями (а тем самым и непрерывными столкновениями на почве ревности) и потребностями развития производственной деятельности первобытных коллективов.

Проблема происхождения экзогамии до сих пор принадлежит к числу наиболее спорных в первобытной истории. Нарисованную С.П. Толстовым конкретную картину становления этого института нельзя назвать достаточно аргументированной, но предложенный им подход к проблеме представляет большую теоретическую ценность, и многими современными исследователями рассматривается как наиболее продуктивный. В той же статье Толстова была развита идея первоначальной дислокальности (алокальности) брачного поселения, на которую несколькими годами ранее обратил внимание, но без какой-либо стадиальной привязки, М.О. Косвен⁴. Такая исходная дислокальность – единственное, чем можно объяснить первоначальное совпадение рода и общины. Идея эта продолжает развиваться и в настоящее время, хотя сторонников у нее сейчас намного меньше, чем противников⁵.

Несколько ранних работ С.П. Толстова посвящены проблемам классовобразования или связанным с ними сюжетами. Крупнейшие из них – «Очерки первоначального ислама» (1932), «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» (1934) и «Военная демократия и проблема "генетической революции"» (1935). Основная идея «Очерков первоначального ислама», состоящая в том, что жизнь и деятельность пророка Мухаммеда – это миф, вобравший в себя самые различные восточные мифы, принадлежит прошлому. Теперь, более полувека спустя, никто не сомневается в подлинности Мухаммеда, да и сам вопрос об историчности тех или иных пророков рассматривается как малосущественный для религиоведения. Более важными оказались «побочные» идеи работы. Одна из них заключена в выделении на основе географической дифференциации производственной деятельности определенных видов хозяйства – выделении, развитом впоследствии М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым в учении о хозяйственно-культурных типах⁶. Другие относятся к кругу проблем классовобразования у оседлых земледельцев и кочевых скотоводов и развиты самим С.П. Толстовым в последующих работах.

До начала 1930-х годов в отечественной историко-этнографической науке велись острые дискуссии о характере общественного строя кочевых скотоводов. Они имели не только теоретическое, но и практическое значение, так как задачи хозяйственно-культурного строительства у отсталых в прошлом народов востока нашей страны требовали изучения особенностей их социальной организации. В публикациях тех лет, с одной стороны, продолжал развиваться традиционный для дореволюционной литературы тезис о бесклассовости кочевнических обществ, а с другой стороны, было выдвинуто положение о существовании у кочевников законченных классовых отношений. Поэтому важной вехой в теоретической разработке проблемы стали две вышедшие одновременно работы – «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» Б.Я. Владимирцова и «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» С.П. Толстова.

В обеих работах развивается концепция кочевого феодализма, но во второй она подается более осторожно и взвешенно: речь идет не столько о феодализме, сколько о патриархально-феодалных отношениях. По С.П. Толстову, кочевые скотоводы,

проходя, подобно своим оседлым соседям, стадию рабовладения (но не поднимаясь, в отличие от них, выше примитивной военно-рабовладельческой демократии), развивают у себя особый, кочевой вариант феодализма. Главное в данном варианте феодализма, то основное зерно, из которого вырастает вся его система, – это саунные отношения, находящие аналогию в прекарии классического феодализма. Определенную роль играют также разного рода поборы с населения. Но саунные отношения – феодализованная форма родовой взаимопомощи, потому феодализм в кочевом скотоводстве навсегда остается сопряженным с остатками патриархально-родовой организации. Сохранению последней способствует и то обстоятельство, что кочевничество не создает достаточно прочных территориальных связей, и кочевая соседская община выступает в форме родо-племенной.

Наиболее сложен вопрос о характере феодальной собственности на землю. В неприкрытом виде она существует только в сопутствующем скотоводству земледелии. В сугубо скотоводческом хозяйстве собственность на пастбища номинально остается родо-племенной, но фактически принадлежит тем, кто монополизирует собственность на скот, иначе говоря, она опосредована отношениями скотовладения.

Предложенные здесь С.П. Толстовым решения в большинстве своем надолго возобладали в советском историко-этнографическом кочевниковедении и только с 1960-х годов снова стали предметом оживленных споров. Было установлено, что рабовладение никогда не было у кочевников господствующей формой эксплуатации, а саунные отношения как отношения кабальные имели не специфически феодальный, а межформационный характер. Вновь разгорелась дискуссия о характере общественного строя кочевых скотоводов в предклассовом или раннеклассовом обществе⁷. И как бы ни решались сегодня эти вопросы, работа С.П. Толстова сохраняет не только историографическое, но и теоретическое значение. В ней очерчена практически вся совокупность продолжающихся обсуждаться и разрабатываться вопросов общественного строя кочевых скотоводов: роль в нем земледелия и скотовладения, саунной эксплуатации и эксплуатации путем нефиксированных или фиксированных поборов с населения; соотношение территориальной общины оседлых земледельцев и родо-племенной общины кочевников, а главное – роль патриархально-родовых отношений в процессах классобразования у кочевников.

Во многом сходна судьба другой крупной работы С.П. Толстова «Военная демократия и проблема "генетической революции"». В ней развиваются три основные идеи. Первая – о том, что начальной формой эксплуатации всегда является рабство и большинство классовых обществ возникают как общества рабовладельческие. Эта идея сейчас разделяется лишь немногими исследователями⁸. Вторая – о том, что переход от первичной ко вторичной общественно-экономической формации неизбежно должен был сопровождаться социальной революцией. Данная идея остается дискуссионной, но сторонников у нее немного⁹. С.П. Толстов справедливо обращал внимание на то, что такой революцией не могла быть борьба между различными слоями пришедшего к господству класса. Однако его мысль, что революцией были «генетические» восстания рабов при становлении рабовладельческого способа производства, плохо вяжется как с общим смыслом понятия «революция», так и с идеей прогрессивной смены исторических стадий. С точки зрения теории прогресса в истории, восстания рабов при возникновении рабовладения и революции рабов при переходе от рабовладения к феодализму имели разную историческую направленность. Но подчеркнем еще раз – вопрос этот остается спорным до сих пор.

Наибольшее влияние на последующее развитие историко-этнографической науки имела третья идея С.П. Толстова – об особом положении эпохи военной демократии в системе общественно-экономических формаций. «Общество эпохи военной демократии – доклассовое и классовое, точнее, рабовладельческое общество одновременно», а «сама эпоха военной демократии лежит историческим рубежом, периодом революционной перестройки общества между первобытным коммунизмом и первой антагонистической формацией общества. И если с точки зрения истории доклассового

общества мы вправе говорить об эпохе военной демократии как о последней стадии родового строя, то с точки зрения истории общества классового – перед нами первая ступень рабовладельческой формации»¹⁰.

Эта впервые предложенная С.П. Толстовым диалектически противоречивая характеристика эпохи перехода от первобытного общества к классовому была воспринята рядом исследователей, хотя и обычно не в изложенной форме: общество и доклассовое и классовое, а в прямо противоположной: общество не доклассовое и не классовое¹¹. Что касается характера переходного этапа (равно как и адекватности его наименования «эпохой военной демократии») ¹², в современной науке мало кто разделяет данную точку зрения, но для нас в данном случае важно то, что начало спорам было положено острой и содержательной работой С.П. Толстова.

Проблемы истории первобытного общества остались в сфере научных интересов С.П. Толстова и в послевоенные десятилетия, когда он выступил как организатор и глава отечественной этнографии. Разрабатывая эти проблемы и способствуя их разработке, он критиковал две крайности в отношении данной области знания. Одна из них – наметившееся в середине 1930-х годов стремление к сужению профиля этнографии за счет изучения преимущественно первобытнообщинного строя и его остатков в позднейшей истории человечества, вплоть до современности. Другая – недооценка значения исследования первобытноисторической проблематики, остающийся одним из передовых участков теоретической работы в развитии материалистической концепции исторического процесса и первобытнообщинного строя как начального звена этого процесса. А здесь в связи с накоплением новых фактов все большее значение приобретало творческое развитие концепции первобытного коллективизма, в частности, дифференциация в нем, с одной стороны, материалистической концепции первобытной истории, с другой – разного рода второстепенных решений Льюиса Генри Моргана или высказываний Фридриха Энгельса, которые, естественно, требовали существенных уточнений в ходе обновления фактологической базы науки.

Одним из первых, кто положил начало такой работе на уровне, определяемом условиями развития науки в середине 1940-х годов, был С.П. Толстов. Уже в первом послевоенном номере журнала «Советская этнография» появилась его статья «К вопросу о периодизации истории первобытного общества», посвященная оценке и уточнению первобытноисторической периодизации Моргана, воспроизведенной Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». В ней отмечалось, что поскольку базу этой периодизации составляют «важнейшие этапы развития производительных сил», должны быть осуждены «все попытки, на основе наличия в периодизации Моргана отдельных ошибочных или устаревших положений, огульно отрицать ее значение для современной науки». Одновременно подчеркивалось, что «канонизация устарелых мест и ошибок в периодизации Моргана на руку только противникам его теории»¹³.

В предложенной С.П. Толстовым модифицированной периодизации выделены в качестве основных три этапа первобытной истории: первобытное стадо (становление первобытного общества), первобытная община (расцвет первобытного общества) и военная демократия (превращение первобытного общества в классовое). Каждый из этих этапов определяется крупными вехами в развитии производительных сил. Настаивая на принципиальной важности именно этого критерия для членения первобытноисторического процесса, С.П. Толстов связал наступление выделенных этапов собственно с началом употребления орудий, введением орудий для производства орудий и освоением металла.

По его мнению, такая периодизация «снимает, но не отменяет» периодизацию Моргана, которая при внесении надлежащих поправок сохраняет свое значение для более дробной характеристики первобытноисторического процесса. Поэтому первый и третий из выделенных им этапов сопоставлены с низшей ступенью дикости и высшей ступенью варварства, а второй этап разделен на четыре периода, каждый из

которых соотнесен (с поправками в критериях) с определенной ступенью дикарской и варварской эпох. Благодаря такой двойственности схема С.П. Толстова впоследствии оказала влияние на многие разработанные в советской науке новые периодизации – как обобщенные (предложенные преимущественно этнографами), так и более дробные (выдвинутые преимущественно археологами)¹⁴.

Разработка С.П. Толстовым проблем истории первобытного общества прекратилась в первой половине 1960-х годов, когда в отечественной науке только начинался активный процесс обобщения и переосмысления новейших фактов этнографии, археологии и палеоантропологии для уточнения исторической реконструкции первобытного прошлого. Поэтому, выступив с принципиально важным предостережением против догматизации устарелых и ошибочных взглядов в прежних реконструкциях первобытности, сам С.П. Толстов успел сделать немного для дифференциации общей коллективистической концепции первобытнообщинного строя и конкретизирующих ее в той или иной мере устаревших частных решений.

Так, в его периодизации первобытная община отождествляется с материнским родом, тогда как позднее было установлено, что такая община могла быть сопряжена и с рано возникшим на смену материнскому отцовским родом (например, у значительной части аборигенов Австралии)¹⁵. Вообще С.П. Толстов придавал, пожалуй, неоправданно большое значение именно материнской форме первобытной родовой общины и еще в 1961 г. в работе «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии» отстаивал взгляд, что в «классическом» первобытном обществе материнский род повсеместно сохранялся включительно до позднего неолита, а отцовский род развивался преимущественно на периферии цивилизаций и не без их влияния. В его работах послевоенного периода по истории первобытного общества немало и других положений, не разделяемых теперь исследователями или по меньшей мере очень спорных: о групповом браке, о матриархате как господстве женщин, о соотношении рода и общины и т.п.¹⁶.

В то же время все указанные работы Сергея Павловича Толстова содержат принципиально важные положения, до сих пор оказывающие воздействие на развитие науки. В частности, в уже названной статье «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии» он привлек внимание к необходимости установления абсолютной хронологии этнографических материалов по первобытной истории, а тем самым и к более строгому подходу, и к синтезу этнографических, археологических и собственно исторических данных.

* * *

Очень рано, с конца 20-х годов, научные интересы С.П. Толстова начинают сосредоточиваться вокруг востоковедческой проблематики, его все больше занимают вопросы истории и этнографии Средней Азии. Этому в немалой степени способствовало участие его в экспедиции Российской ассоциации научных институтов по общественным наукам в Ташаузской области Туркменской ССР, в составе которой он занимался изучением родоплеменного состава и материальной культуры куняургенчских туркмен иомудов. Эти материалы были опубликованы в статье «О пержитках тотемизма и дуальной организации у туркмен» и использовались автором в других работах по истории первобытного общества и этногенезу.

Впервые попав в Хорезм в 1929 г., С.П. Толстов как этнограф понял, что отныне он навсегда связан с этой своеобразной историко-культурной областью Средней Азии, «среднеазиатским Египтом», как он ее называл. Сыграло свою роль и то, что в конце 1930-х годов началась работа над созданием истории молодых среднеазиатских республик. При этом в центре внимания были проблемы социального строя народов Востока, в частности, спорные вопросы общественного строя народов домусульманской Средней Азии. Необходимость получения новых источников для решения всего комплекса возникших исторических проблем привела к организации крупных археологических экспедиций, одну из которых – Хорезмскую возглавил С.П. Толстов.

Исследования Хорезмской археологической, а позднее археолого-этнографической экспедиции стали делом жизни С.П. Толстова и принесли ему мировую славу. Большой территориальный и хронологический размах работ экспедиции, их комплексный характер – все это позволило С.П. Толстову привлечь к решению крупных исторических проблем, значимость которых подчас выходит за рамки собственно среднеазиатской тематики, археологические источники. Наиболее крупные из этих проблем С.П. Толстов назвал сам во введении к своей книге «По древним дельтам Окса и Яксарта»: общественный строй населения земледельческих оазисов Средней Азии; история древних русел Амударьи и Сырдарьи (их формирование и заселение человеком) и связанная с ней история хорезмской ирригаций; история полукоочевого и кочевого населения скотоводческой периферии оазисов, его взаимоотношений с земледельческим населением последних, историческая роль этих контактов в экономической и культурной жизни страны.

Масштабность и значимость всей этой проблематики, возникающая в процессе исследований необходимость ответа на новые вопросы, преимущества комплексного изучения единого крупного историко-культурного региона, – все это предопределило долгосрочность начатых С.П. Толстовым разработок, которые продолжают исследователи и в наши дни¹⁷.

В книгах «Древний Хорезм» (1948), «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948) и уже упомянутой «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962), а также многочисленных статьях С.П. Толстов на археологических материалах Хорезма проследил не только все этапы его исторического развития от эпохи неолита до средневековья включительно, но и выявил на его примере ряд закономерностей, присущих развитию исторических процессов Средней Азии и Востока в целом. Этнограф, востоковед и археолог С.П. Толстов не только разрабатывал проблемы, непосредственно относящиеся к истории среднеазиатских народов. Во многих случаях, опираясь на среднеазиатские источники и материалы, он вел изыскания в области общих проблем этнографии, истории первобытного общества, этногенеза и этнической истории, истории культуры и т.д. Наиболее ярким примером в этом плане является монография «Древний Хорезм», в которой С.П. Толстов вновь обратился к проблеме общественного строя раннеклассовых обществ.

Он собрал и систематизировал данные, свидетельствующие о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время. Этот тезис, правда, был тогда выдвинут на основе довольно ограниченного круга источников. В наши дни в результате продолжающихся археологических работ в Хорезме он нашел подтверждение при расшифровке дворцового архива Топрак-калы (III–II вв. до н.э.)¹⁸. По заключению В.А. Лившица, исследовавшего хорезмийские надписи на городище Калалы-гыр-2 (IV–II вв. до н.э.)¹⁹, одна из этих надписей, на остраконе, содержит слово «рабы»²⁰, что является наиболее ранним свидетельством существования этой формы зависимости в Хорезме.

Этногенез и этническая история народов Средней Азии – одна из труднейших исторических проблем – рассматривается С.П. Толстовым в статьях «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» (Сов. этнография. Сб. статей. 1947. № 6–7), «Аральский узел этногонического процесса» (Там же), «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» (КСИЭ. 1947. Вып. 2), «Города гузов» (СЭ. 1947. № 3) и в других работах с использованием широкого круга источников. Естественно, что новые археологические, исторические и этнографические открытия вносят уточнения, дают возможность выявить новые аспекты в подходе к этой проблеме.

Тем не менее основные заключения С.П. Толстова о древнейших и средневековых этапах этногенеза народов Средней Азии утвердились в науке. Среди них следует назвать очень важный тезис о том, что в основе этногенеза каждого из современных среднеазиатских народов лежит не единый, а множество этнических компонентов, которые не разъединяют, а объединяют эти народы. Этнические процессы на территории данного огромного историко-культурного региона требуют рассмотрения их

во взаимосвязи и в контексте тех исторических процессов, которые охватывали территорию Средней Азии и сопредельных областей в целом. За прошедшие годы лингвистический аспект проблемы обогатился новыми открытиями и гипотезами, которые, не снимая значимости выдвинутых в свое время С.П. Толстовым тезисов (например, в работе «Аральский узел этногонического процесса»), значительно расширяют рамки исследований в этой области как в хронологическом, так и в географическом планах²¹.

Уже упоминавшаяся статья «Города гузов» очень четко выявляет работу исследовательской мысли С.П. Толстова над проблемой, которую впоследствии в ряду разрабатываемых им он назвал одной из основных. Речь идет о взаимоотношениях кочевого и полукочевого населения степей с оседлоземледельческим населением оазисов, связи их с городами, их роли в экономической и культурной жизни страны. Эта проблематика является общен исторической, но для Приаралья, как свидетельствуют археологические и исторические источники, она чрезвычайно актуальна на всем протяжении истории этого региона, начиная с эпохи поздней бронзы.

Следует сказать, что необходимость археолого-этнографического подхода при разработке многих аспектов исторической проблематики привела С.П. Толстова к выделению особого отдела этнографической науки – палеоэтнографии²², источниками которой служат этнографические и археологические материалы.

Такой подход был широко распространен среди этнографов и археологов его поколения. В наши дни он постепенно находит все больше сторонников среди представителей обеих наук. Идея комплексных полевых исследований широко пропагандировалась и осуществлялась С.П. Толстовым, его коллегами и учениками уже в послевоенные годы.

Следует заметить, что сейчас среди сторонников широко распространенного на Западе метода этноархеологических исследований, называемого этноархеологией²³ (в основе его лежит практика изучения археологами покинутых современных поселений и даже ведения ими чисто этнографических работ, включая работу с информаторами), раздаются голоса именно в пользу комплексных археолого-этнографических исследований силами представителей обеих специальностей, что обеспечило бы наиболее квалифицированный подход к делу.

Нельзя не сказать еще об одном направлении в исследованиях С.П. Толстова. Будучи руководителем Института этнографии и развивая традиционную этнографию, он явился инициатором обращения советской этнографической науки к изучению современности («Этнография и современность», СЭ. 1946. № 1, «Советская школа в этнографии» СЭ. 1947. № 4, и другие работы), что не только существенно обогатило научную информацией созданные под его общей редакцией тома «Народы мира», но, главное, дало импульс к развитию важного нового направления в этнографии, которое плодотворно развивается в наши дни.

Примечания

¹ Толстов С.П. Проблемы родового общества // Сов. этнография (далее – СЭ). 1931. № 3–4.

² Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Изв. Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК). 1931. Т. XI. Вып. 3–4; Борисовский П.И. К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита // Там же. 1932. Т. XIV. Вып. 4.

³ Ковалевский М.М. Первобытное право. Вып. 1. М., 1886; Жаков М.П. К постановке генетических проблем истории доклассового общества // Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 10.

⁴ Косвен М.О. Вновь открытая форма брака // Сообщ. ГАИМК. 1932. № 3–4.

⁵ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

⁶ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4.

⁷ См.: Перущиц А.И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976; Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976; Khazanov A.M. Nomads and the outside World. Cambridge, 1983.

⁸ Подробнее см.: *Перицц А.И.* Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

⁹ *Драбкин Я.С.* Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969; *Селезнев М.А.* Социальная революция (методологические проблемы). М., 1971; *Крапивенский С.Э.* К анализу категории «социальная революция». Волгоград, 1971.

¹⁰ *Толстов С.П.* Военная демократия и проблема «генетической» революции // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 7–8.

¹¹ *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; *Семенов Ю.И.* О периодизации первобытной истории // СЭ. 1965. № 5; *Крюков М.В.* Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

¹² Подробнее см.: *Perschie A.I.* Das Problem der militärischen Demokratie // Familie, Staat und gesellschaftsformation. В., 1988.

¹³ *Толстов С.П.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества // СЭ. 1946. № 1.

¹⁴ Подробнее см.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 17 и сл.

¹⁵ *Семенов Ю.И.* Происхождение брака...

¹⁶ Подробнее см.: *Бромлей Ю.В., Перицц А.И.* Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вopr. философии. 1964. № 4.

¹⁷ Обзор работ экспедиции см.: *Итина М.А.* Хорезмская экспедиция: основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981; *Жданко Т.А.* Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Там же; *Итина М.А.* Охранные археологические работы в Хорезме: итоги и перспективы // СЭ. 1984. № 1; *е же.* Древний Хорезм: проблемы и открытия // Вест. АН СССР. 1966. № 2.

¹⁸ *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 215–222; Топрак-кала. Дворец // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI. Гл. VI. М., 1984. Документы (автор В.А. Лившиц).

¹⁹ См.: *Вайнберг Б.И., Коляков С.М.* Раскопки на крепости Калалы-гыр-2 в Северной Туркмении // Археолог. открытия, 1968 г. М., 1968. С. 506.

²⁰ Устное сообщение В.А. Лившица.

²¹ *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972; *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 156 и сл.; *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I и II // Вестн. древней истории. 1982. № 3, 4; *Гамкрелидзе Т.Е., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984; *Кузьмина Е.Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сб. Вып. IV. Древняя и средневековая история и философия. М., 1986. С. 169–228 и другие работы.

²² *Толстов С.П.* Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // СЭ 1960. № 6.

²³ *Шнирельман В.А.* Этноархеология – 70-е годы // СЭ. 1984. № 2.

S.P. Tolstov as ethnographer, archaeologist and orientalist

The authors of the article pay tribute to S.P. Tolstov, an acknowledged organizer of the Soviet ethnography and founder of the Khorezm expedition. The authors underline that Tolstov strongly advocated for the cooperation between historical, ethnographic and anthropological disciplines. His own works demonstrate the evident benefits of such approach.

M.A. Itina, A.I. Pershitz

© 1997 г., ЭО, № 1

Б.И. В а й н б е р г

ЭКОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Приаральем мы, как и многие другие исследователи, считаем обширную область на севере Средней Азии, охватывающую территорию от восточного берега Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от зоны степей на севере до северных окраин великих среднеазиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге